

Татьяна Жезупова
Две маленьких повести

Татьяна Жегунова

Две тёплых повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63937651

ISBN 9785005321152

Аннотация

Воспитывать чужого ребёнка, как своего – такова судьба главных героинь обеих повестей. И если Вера сознательно выбирает этот путь и даже идёт на разрыв с мужем, не принявшим сироту, то героиня второй повести, Лидия, вынуждена принять на воспитание малышку, родную сестру собственной дочери.

Содержание

Попытка – не пытка	5
1	5
2	11
3	18
4	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Две тёплых повести

Татьяна Жегунова

Дизайнер обложки Ирина Гончарова

© Татьяна Жегунова, 2021

© Ирина Гончарова, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2115-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Попытка – не пытка

1

Лида перерыла все ящики стола. Искала истоиво, как бросающий курить – заныканную в прошлой жизни сигаретку. Нет. Как сквозь землю провалился.

Вывернула на диван картонную коробку с проводами, клубками запутанных наушников, батарейками, батареями и прочим гаджетным барахлом. Кому мог понадобиться старый облезлый телефон? Только ей – и сразу. Розовая раскладушка сейчас ей была нужна как воздух. Потому что там был забит один важный номер, прямо в телефонной книжке. На симке, что стоит в новом, этого номера нет. Оставалось дожидаться из школы дочь и допросить её с пристрастием – может, взяла для каких целей. Вдруг...

В последнее время это случалось внезапно... Лоб, щёки, шею ошпарило кипятком. Такие приступы заставляли её врасплох, в самое неподходящее время. Тётки на работе понимающе переглядывались, разводили руками, покачивали головами и советовали купить в аптеке хорошие таблетки, но Лида обычно отмахивалась. В слух типа:

– Какой – такой климакс в 42, блин?

А про себя думала:

– Отстаньте! Сами вы дуры старые! Я ещё молодая!

И не приливы это, а давление скачет.

Но сейчас, когда не перед кем из себя молодую строить, поняла: по-видимому, так и есть.

– Приливы в чистом виде. Стареешь, мать.

Задышала часто-часто и стала обмахиваться блокнотом, в котором несколько минут назад пыталась отыскать то же, что в телефоне: номер Верки Ионовой, лучшей подруги студенческой поры. Потому что только с Веркой она могла поговорить об этом. Только она может дать совет, что ей делать и как поступить. Потому что только Ионова до мельчайших подробностей знала всю историю с Петровым.

Лиде было 16. Тогда, в училище, её выбрали комсоргом группы. Гордая миссией, всех парней она называла строго по фамилии. И его тоже. Так он и остался для неё на всю жизнь Петровым.

Ох уж этот Петров!

Все 25 лет, что она замужем, Петров иногда без приглашения вваливается в её сон. Она слышит его голос, слова, от которых кружится голова и сладко щемит под ложечкой. Видит мягкие и ласковые губы. Потом они целуются. Во сне

её пальчикам уютно в тёплых ладонях Петрова.

Лида замечала, что утром после таких снов она чувствовала себя отдохнувшей и даже счастливой. Ей хотелось петь и улыбаться всем вокруг. И днём всё ладилось: молоко на кашу не пригорало, косички дочке заплетались туго, бантики завязывались по-особенному красиво, ворчание начальства не раздражало, а только смешило. И даже приготовление обеда – самое нелюбимое дело – не доставляло особых хлопот. Чудеса, да и только!

Но к вечеру к состоянию радости обычно примешивалось чувство вины. Как большой кусок лимона, брошенный в чашечку сладкого чая, делает напиток кисло-горьким, так и мысль о невольной – пусть во сне – измене мужу и верному другу Васе, или Василию Алибабаевичу, как она в шутку называла супруга, не давала Лиде полностью отдаваться чуду энергетической подпитки, чем были для неё эти дивные сны. Сны, в которых она была молодой, по уши влюблённой девчонкой. Сны, где её любил самый интересный, самый оригинальный, самый красивый, самый высокий и самый патлатый одноклассник.

Историю с причёской Петрова не забыть никогда.

Все мальчишки тогда носили длинные волосы. Мода такая, что поделаться? Но копна волос на голове Петрова ста-

ла красной тряпкой для администрации училища. Очень густые волнистые кудри цвета созревших каштанов каскадом падали парню на плечи и волной спускались вниз, к лопаткам. Мало кто из девочек мог похвастаться столь же роскошной шевелюрой. Однажды завуч пригласила Лиду в кабинет и сделала строгое внушение. Оказывается, она плохой комсорг, раз не следит за внешним видом комсомольцев. Буквально было сказано так: «Почему Петров патлат? Он что, девушка? Куда смотрит комсорг? Вас что, на комитет комсомола приглашать? Примите меры!»

Лида вздохнула и пошла принимать меры – строго разговаривать с комсомольцем Петровым.

– А что мне за это будет, слышь, комсорг? Ну, если я подстригусь? – проворковал Петров, положив руку Лиде на плечико и глядя на неё сверху вниз.

Ах, эти глаза! Карие, с хитринкой, блестящие глаза Петрова с длинными, чёрными, загнутыми вверх ресницами! Щёки – кровь с молоком, рыжеватый пушок, до которого хотелось дотронуться. Парень тогда еще не брился, и по щекам вилась нежная поросль мягких светлых волосков – будущая щетина.

Лида опять замахала перед собой раскрытым блокнотом – её бросило в жар, как и тогда. Ведь в ту самую минуту она поняла, что втюрилась в Петрова окончательно и беспово-

ротом. Его взгляд, казалось, обладал магнетизмом: она смотрела, не мигая, в глубину, и не могла отвести взгляд.

– Ты что молчишь, комсорг? Я подстригусь если – что мне за это будет, а? Ты будешь моей, девочка? – и, косясь на мальчишек, стоящих рядом, красавчик указательным пальцем правой руки поднял Лидин подбородок вверх. Рука Петрова была холодной.

Лида и сама не поняла, как это произошло, но со стороны услышала своё звонкое: – Да! Я буду твоей девочкой! Будь уверен! Стригись! – и откинула его руку от своего лица. Вроде бы пошутила. А прозвучало, как всерьёз.

Верка Ионова потом сказала: «Видела бы ты со стороны, как это выглядело! Вы будто обручились у всех на виду!»

На следующее утро в кабинет технологии вошёл абсолютно лысый парень. Высокий и незнакомый.

Но это был Петров.

Вся группа вместе с преподавательницей ахнула.

Яйцеголовый посмотрел в сторону комсорга, плюнул на ладошку, провёл рукой ото лба к затылку по месту, где ещё вчера колосились густые кудри и, пристально глядя прямо в глаза комсоргу, с усмешкой произнёс: – Кто-то что-то мне обещал? Или мне показалось? Да, и всем – здравствуйте. Так начались отношения, которым суждено было вылиться в нечто большее.

Вчера вечером, когда все члены семьи занимались своими делами, то есть каждый сидел в своём гаджете: дочка якобы готовилась к ЕГЭ, муж Вася рубился в танчики, а Лида без особой цели бродила по «Одноклассникам», в личку пришло сообщение. А в нём – письмо от Петрова... Пробежав глазами первые строчки, Лида вскочила с дивана как ошпаренная и с ноутбуком в обнимку рванула на кухню, по пути споткнувшись о мирно спящего на коврикe рыжего любимца.

2

Телефон отыскался в старой косметичке. Лида решительно, рискуя ногтями, подковырнула крышку – батарея не окислилась, не распухла. Класс, первые модели надёжнее этих, современных! Отыскала в путанке проводов подходящее зарядное устройство, воткнула зарядку в розетку и принялась ждать, когда батарея хоть чуть-чуть зарядится. Надо зайти в телефонную книжку и найти номер Ионовой.

Помните это состояние?

Когда во время рекламы несёшь из кухни в комнату под телевизор полную-преполную чашку чая, я сверху бутерброд? Ты даже дышишь тише, чтоб не пролить. Лида спешила скорей поделиться эмоциями с подругой. Она боялась расплескать чувства, что колобродили в душе после того. Как она прочла письмо от Петрова.

Бывают подруги, которых можно не видеть годами, не созваниваться месяцами, но главное – знать, что они есть. С ними, если встречаешься, начинаешь болтать даже без «зд-расьте», и разговор пойдёт с середины фразы, будто из соседних комнат вышли навстречу друг другу.

Ионова – как раз такая. Она поймёт. Подскажет, как поступить, что делать. Не будет юлить, выложит правду-матку,

как на духу. Верка тогда с нами не доучилась, рано замуж выскочила, но на дружбе это не отразилось. Письма писали, созванивались. Жаль, что подруга в интернете не сидит, для неё – что «Одноклассники», что «Контакт» – тайна за семью печатями. Живёт в своём селе, как в прошлом веке. А то каждый день бы общались, как белые люди.

– Ну давай же, давай! – Лида подгоняла палочку зарядки, как пастух тупую овцу, отбившуюся от стада. Ждать да догонять – самое плохое. Полностью севшая батарея заряжалась медленно. Лида успела вскипятить чайник, заварить любимого каркадешного чаю, и, витая мыслями в далёкой юности, на автомате съесть почти полбанки сгущёнки. Без всего. Зато вкусно.

Ну, что там? Есть! Есть чуть-чуть. Пальцы, отвыкшие от кнопочного антиквариата, с трудом нащупали адресную книжку. Да! Склероза ещё нет. Вот – Ионова, записана в телефоне. Правильно говорится: подальше положишь – поближе возьмёшь!

И Лида, щурясь, держа прямо под носом экранчик выдавшей виды раскладушки забила номер подруги к себе в телефон. Завершила операцию, и, как Штирлиц, огляделась по сторонам. Убедилась, что домочадцы заняты, опустила телефон в карман халата, из-под раковины достала помойное ведро, вытащила полупустой мусорный пакет, завязала

на два узла пакетные уши и пошла на улицу.

– Алло! Не узнала? Долго жить буду. Да ладно, ИONOва, не прикидывайся, я это. Кто-кто? Конь в пальто. Я бы тебя с первой ноты, как у Пельша на программе, угадала. Да Лида это, Лида. Ты что, мать, вообще? Ты можешь меня слушать сейчас? Долго слушать! – Лида шла вдоль дома, помахиная пакетом. У мусорного контейнера избавилась от балласта, прошла ещё два подъезда, облюбовала одинокую скамеечку и села.

– Ну и хорошо, что в автобусе. Тебе долго еще ехать? Минут пятнадцать? Попробую. Слушай. Короче... Помнишь моего Петрова? Ну да, того самого. Не я вспомнила, а он вспомнил. Сегодня! Представь? Ладно, по порядку. Слушай. Я ведь была в него влюблена. Думала, и он. Помнишь комедию с этой лысиной? Я очень хотела стать его девочкой, очень. Все ведь думали, что у нас – было? Не было ничего! Ничего, Верка, вот правду тебе говорю! Мы как в игру играли – рыбалка называется. Я его ловила, казалось, уже поймала, ррраз, подсекаю – нет, сорвался! Однажды после ужина гуляли по парку, болтали. Мне хотелось, чтоб он меня поцеловал, а он фиг. Я тогда специально в общагу опоздала, чтобы остаться ночевать у него. Помнишь вахтёршу- мегеру? Петров и говорит, мол, пошли тогда ко мне.

Мама у него такая хорошая была, сестрёнка младшая. Она мне волосы расчёсывала, причёски сооружала – очень рада была, что я с ней играю. Меня блинами накормили и постелили в зале. Я всю ночь не спала, ждала, что Петров ко мне придёт, готовилась, представляла, как всё будет. Мне так этого хотелось. Увы. Опять увы. Не случилось. Берёг он меня, или робел, или и то, и другое.

А потом я проводила его в армию, и он писал мне письма. Но не про то, чтоб ждала или что любит, а только факты из солдатской жизни. Правда, в конце иногда вдруг приписка: «обнимаю» или «скучаю»... А может, и не было таких слов. Но письма из армии были более нежными. Это точно. Потом было ещё одно письмо, где он написал, что невесту ему подыщет мама. Если это была шутка, то я её не поняла и вышла замуж. Вот и всё. Это ты знаешь.

А сейчас расскажу, чего не знаешь.

Потом пошли сны. Сто лет снов.

Он мне регулярно снится. Короче – днём живу с мужем, а ночью – с Петровым. Ну и не верь, как хочешь. И теперь вчера... ты слышишь, вчера – через целую жизнь – он нашёл меня на «Одноклассниках»! Написал, что не может себе простить, что тогда не сделал меня своей! И – представляешь! Намерен приехать. Наверстать упущенное. Да, так и написал. Нет, он женат, двое детей, дочка учится уже в институте,

а сын маленький, в 3 классе. Мы с ним 20 лет не виделись!

Он меня после армии искал, свекровь как-то призналась, что по первости заходил какой-то длинный, адресом интересовался, послала она его куда подальше.

Что мне делать-то, Вер, что? Нет, не могу я ему не отвечать!

Потому что. Я уже ответила.

Я хочу этой встречи. Понимаешь ты, хочу. Да, я больная. Не спорю. Это наваждение какое-то!

Представляешь, я вечером в чай вместо сахара соль положила, размешала, пью, и не замечаю. Дочка на меня смотрит, глаза по 7 копеек, а мне не понять, почему. Мужу с собой в поездку еду собираю, а сама улыбаюсь, как умалишённая – вспомнила, как мы с Петровым за руку из театра идём, и снег такими огромными хлопьями падает и ложится ему ресницы. Они ж у него как у девчонки были, помнишь хоть? Эх, не помнишь.

Может, мне к психологу какому сходить? Или сразу – к психиатру?

Да не надо мне ремня.

Мне б просто его увидеть, а там... а там, может, все само собой пройдёт. Или не пройдёт. Да я понимаю, что старая. Климакс вот уже. Вот тебе и ну. И да, кстати, мы с Васей

сына женили, внук у нас, 21-го месяц уже будет. Нет, они не с нами живут, отдельно, жене от бабушки квартира досталась, в другом районе. Дочка? В 11 уже, взрослая. Да у Васи всё нормально, что с ним случится, дальнобой по-прежнему, то яма, то канава...

Нет, Вер, ты с темы-то не соскакивай, подруга называется! Ты мне лучше скажи – что мне делать? Мне кажется, возьмёт он меня за руку, и всё... умру от счастья. А если ещё поцелует, или...

Сама ты дура. А ещё подруга, называется. Да слышу я, слышу, что ты приехала. Перезвони, как сможешь. И не теряйся теперь. Ладно, пока!

Женщина лет 40 приятной наружности в домашнем халате сидела на скамейке с телефоном в руках и покачивала, как девчонка, ногой, на которой подскакивал, рискуя свалиться, шлёпанец с розовым помпоном из разряда домашних тапочек. Она смотрела вдаль невидящими глазами, будто всматривалась в то, что оставалось за пределами реального мира. И явно была чем-то озабочена, потому что даже не обратила внимания на молодую маму с сыночком лет полутора, остановившуюся возле скамейки. Не умилилась тому, как потешно лопочет малыш, пробуя катить машинку по скамейке в её сторону. Наоборот, резко поднялась, чем напугала малыша, запахнула полы халата, вздохнула, сунула телефон в карман,

шагнула в сторону тротуара и громко сказала: «Попытка – не пытка». Женщина резво подхватила малыша под мышки и переставила на другое место – подальше от странной особы.

3

Человек, которого Лида наяву не видела с прошлого века, а во сне – часто – занимал теперь все мысли.

Несколько строк, набранных без запятых и точек – Петров с юности не дружил с пунктуацией – разделили жизнь на до и после.

Раз и навсегда установившийся десятилетиями порядок жизни по шаблону, который, казалось, вполне её устраивал, она вдруг увидела как под увеличительным стеклом. И содрогнулась. Господи, какая рутина!

Представьте себе маленький пруд в лесу, полностью затянутый ярко-зелёной ряской. Осока обрамляет спокойный водоёмчик, как ресницы -глаз. Солнышко согревает глянцевую поверхность. Большеглазые стрекозы и роскошные бабочки выются там и тут. Тишина, умиротворение и покой.

И вдруг – в этот заповедный и спокойный мирок шарахнули гранату! И всё, что скрывалось под зелёным ковром, перевернувшись вверх тормашками, всплыло. И картинка сразу стала другой.

Как жить дальше?

Подруга её не поняла. Значит, советов, как поступить, от неё не дождёшься. Надо выпутываться как-то самой.

Что там советовали девчонки на работе? Какой-то чудодейственный способ. Вольное письмо от руки... Название ещё такое смешное, на картошку фри похожее. Говорят, метод отличный, помогает разгрузить голову от хлама и вытащить главные мысли на поверхность. Так. Сейчас! Телефон, в нём – верный помощник: -Алиса, вольное письмо для ответа на волнующие вопросы? Да, точно! Фрирайтинг.

Лида быстро пробежала глазами определение. И всё? Уединиться, завести будильник на 20 минут, открыть блокнот, взять ручку. Задать волнующий вопрос и ...быстро записывать всё, что придёт в голову, не пытаясь даже ставить запятые и недумать об ошибках. И всего-то? Попробую. Что я теряю?

И Лида решительно вывела крупным разборчивым почерком вопрос:

«Зачем мне встречаться с Петровым?»

Зачем?

Потому что меня каждой клеточкой, каждым кончиком нервов – тянет встретиться с этим Петровым – чужим мужчиной, совершенно не близким мне человеком!

У меня семья: муж, дети, внук. Всё как у всех. И всегда так было. Всегда у меня как у всех. Как надо. Кому только? Все замуж – и я замуж. Надо сразу ребёночка рожать, пожа-

луйста. Года не прошло после свадьбы – у меня уже сынок. Как у всех. А потом, года через три, все заговорили, мол, как же, нельзя, чтоб эгоистом рос, двоих надо – хорошо, будет второй. Благо что девочка. Как по заказу. О чём говорили, как с Васей радовались деткам – не помню уже. Не до романтики, надо поить, кормить, обстирывать, денежку зарабатывать. Какая такая любовь? Обычные отношения.

А любовь, любовь – это состояние. Когда летать охота. Когда душа поёт.

Что-то и не вспомнить мне такого. Нет, он веселый всегда был, Алибабаевич, компанией когда собирались – всегда рассмешит, балагурит всегда, весёлый, лёгкий в общении.

А чтоб меня за руку взять, да в глаза посмотреть, да слова ласковые сказать, или в танце закружить, или на руках... или куда на природу, чтоб просто на красоту посмотреть, а не на рыбалку, не шашлычок под коньячок, а просто... На лодочке покататься, в стогу полежать, на звёзды чтоб посмотреть, или там осенью – по опавшим листьям, чтоб шуршали... Нет, такого и не было-то никогда. Как будто чаша у меня в душе, которая для любви и романтики – пустая. Ну, может, на самом доньшке – чуть-чуть слов, которых так ждёт каждая, да и те – в молодости были сказаны.

Как хлеб черствеет, если он не в хлебнице, или не в пакет засунут, так с годами и мы с Васей черствели. Пока дети рос-

ли – было о чём с мужем поговорить. Приедет из поездки – он дальнбой свой ни на что другое так и не променял, хоть грозился! – я скорей ему выкладываю все новости. Чему дети научились, какие слова новые дочка говорить стала, а ему отдохнуть хочется. Поесть всегда старалась повкуснее приготовить, всё ж – из поездки, с дороги. А он поест – и в сон проваливается. А выспится, встанет – я скорей все дела домашние, мужские, на него вываливаю. Там течёт, тут приколоты, это помоги прикрутить, туда съезди...

Когда было про любовь? Про кран, что подтекает, про стёртые набойки на сапогах, про цепь велосипедную, про долг соседке, полку на кухне...

А теперь, когда дети выросли, и разговоры прекратились. Так, привет-привет, давай-на... А я...а мне... И тут – как на зло – Петров! Да ещё с такими словами! У меня аж глаз задёргался, как увидела: «Не могу себе простить что не сделал тебя своей»

Мне с детства, не хватало ласки – я ж в интернате росла, я так хотела, чтобы меня на ручки взяли, прижали к себе, сказали, мол, моя, только моя...

Слёзы брызнули из глаз. Лида со злостью швырнула ручку, и, еле сдерживаясь, закрывая рот обеими ладонями, некрасиво, отрывисто, как в детстве, зарыдала.

Но мысли выстроились стройно так, как голуби на про-

водах расселись: «Не в Петрове дело. Совсем не в Петрове.
Во мне!»»

4

Дни, отдаляющие Лиду от встречи с Петровым, полетели быстрее рекламы бегущей строкой. Час X маячил уже в досягаемой близости.

Это было событие, которого женщина и хотела, и не хотела одновременно. Хотела потому, что представляла Петрова в виде мага и избавителя от обыденной и навязшей в зубы жизни.

Образ человека из юности был размыт, одно осталось неизблемым – налысо обритая голова, правильной формы череп, карие глаза, ресницы, как у девчонки, узкие губы. Интересно, он сразу поцелует её при встрече?

Даже от мысли, как всё произойдёт в первые минуты встречи, сердце билось сильнее, стук его отдавался в ушах, пульс шпарил, щёки загорались, как в бане на полке, руки потели и начинали дрожать. Настоящая тахикардия, погуглив, решила Лида, и купила в аптеке предложенные капли.

Представляя Петрова молодым – не старился он в её памяти несколько – она его глазами посмотрела на себя.

Как бы со стороны. Беспристрастно. И ужаснулась.

Из зеркала глянула усталая женщина с тусклыми воло-

сами. Лида поднесла зеркало ближе и стала подводить итоги борьбы с возрастом. Опущенные уголки рта. Складки эти, как их там, носогубные. Видны, да. Паутинка морщинок в уголках глаз. Нифига не нежная. Правда, она видна не сразу, но при близком рассмотрении – самые что ни на есть гусиные лапки. Правильное название придумали! Брови. «Сейчас такие не носят,» – это сказала самая молоденькая девчонка на работе.

Короче! Надо что-то делать! Вперед, и с песней.

Не подкачала только фигура. Вернее, подкачать кое-что как раз не помешало бы, но – слава Боженьке и большое спасибо генам – женщины в роду всегда были не жирные, а подтянутые, фигуристые, но не полные. Самое то, что надо. Не 90-60-90, конечно, но и не как в том анекдоте: «120-120-120 – где талию будем делать?»

Прожив на свете почти 43 года, Лида, естественно, в зеркало заглядывала. Но не рассматривала себя пристально, не оценивала. Она – замужняя женщина, и этим всё сказано. Для кого стараться-то? Для себя, что ли?

Теперь она поняла, как много упущено. И лет, и возможностей. Казалось бы – ну что может быть очевидней?

Чтобы быть красивой и ухоженной – надо что-то делать для этого. Теоретически это знают все. Лида тоже знала,

и даже кое-когда кое-какие маски делала, кремом перед сном мазалась, если не забудет, даже тоники какие-то и пенки покупала. «Жемчуг чёрный 40+» из рекламы, к примеру. И после ванны или бани кремом для тела мазала это самое тело. Было дело. Иногда. Под настроение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.